

В роли Колетты
("Отверженный" В.Гюго)

Наталья Волошина,
Актриса Российского
Академического
Молодежного Театра

— Ты пришла в РАМТ сразу после института. Каковы были твои первые впечатления от такой специфической публики, как подростки?

— Сразу расскажу историю. Первый год моей работы в театре. Еду играть в "Капитанской дочке". В одном вагоне со мной едет группа совершенно неменяемых подростков, которые орут и лают друг друга. Переходят вместе со мной на другую линию, едем дальше. На "Театральной" спрашиваю у одного мальчика.

— А куда вы едете?
— Да не знаю... В театр какой-то. Названия не помню.
— А спектакль как называется?

— Не помню.
— А написал кто?
— Не помню. Проходим мы сейчас в школе "Метель" что ль... Не-е, не "Метель".

Я с дрожью:
— "Капитанская дочка"?
— Во, точно!
И я понимаю, что мне сейчас играть для этой группы школьников. Опыт пристает.

— А тебе не хочется идти?
— Нет, конечно.
— Тогда чего идешь?
— Неуд! по поведению поставят, если не пойду.

На спектакли по произведениям школьной программы, на "Капитанскую дочку", в частности, ходит особая публика — подростки, не читающие, например, Пушкина, но им необходимо узнать, что же происходило в этой истории. Просто для того, чтобы не было проблем в школе на уроке литературы. В зале стоит шепот, хрюканье, хлопанье и смех не вовремя, свист и улюлюканье, когда герои целуются.

— Можно ли переломить такое состояние зала?

— Да, бывают спектакли, на

Не водить строем — брат с собой!

Вы входите в зал, пробираетесь на свое место и... попадаете в эпицентр стихийного бедствия: вас окружают подростки, приведенные в театр организовано, классом. Свободных мест в зале больше нет, свет гаснет, и рушатся ваши мечты о патномном просмотре спектакля!

Подобная ситуация, я думаю, знакома всем. Проблему, по просьбе корреспондента "ЭС" Дарьи БОРИСОВОЙ, обсуждают молодая актриса, учитель-словесник и московская школьница.

которых чувствешь: затихли, слушают!

— Чем это достигается, есть какие-то особые приемы?

— Вокруг подростков мигает реклама, по телевизору мелькают ролики, клипы. К сожалению, нам не всегда удается удержать их внимание, например, в течение одной картины, которая длится 15-20 минут. У них другое внимание, они просто не выдерживают такого ритма. Хочется, чтобы они испытали в театре потрясение, даже шок; увлеклись сюжетом, поняли суть произведения. Чтобы вовлечь их в спектакль, нужна быстрая смена ритмов, линий, неожиданные повороты.

— Можно ли сочетать доступность, и в то же время, высокий художественный уровень спектакля?

— Можно и нужно. Но нужна смекалка. Необходимо не бояться проговаривать какие-то вещи откровенно — чтобы даже закомплексованные, сосредоточенные на себе дети поняли.

— Это не будет потаканием дурному вкусу?

— Можно смело и в то же время достойно поставить любую классическую историю. Нужно находить яркие, но при этом раскрывающие суть произведения ходы.

— Именно ваш театр, наверное, больше других задыхается от "культпоходов". Какую альтернативу этой форме посещения театра видите вы?

— Естественно, дети должны ходить в театр только по желанию. С родителями, или небольшой группой, объединенной интересом. А ходить классом — не очень хорошо. Ведь подросток воспринимает действия не напрямую, а с оглядкой на соседа-одноклассника, и жизнь в зале развивается гораздо более медленно и весело, чем на сцене. Однако учителям ничего не могут сделать с классом в 30 человек.

— Мышление сегодняшних подростков сильно отличается даже от нашего в их возрасте. На мой взгляд, театр еще не успел перестроиться, стать им ближе. Может быть, театр вообще уходит из жизни подростков?

— Людям всегда нужна другая реальность. Конечно, сейчас у тинейджеров возможности найти эту реальность больше, чем когда-либо. Но такой, как театр — нет. Это живое действо, творящееся на глазах, — разве может что-то заменить его?

— Как же театру стать им ближе, попасть в их ритм?

— Просто нужно попасть в ритм сегодняшней жизни.

— Для кого приятнее играть: для детей или для под-

ростков?

— Конечно, для детей. Они более открытые.

— Но ведь шуму от них не меньше...

— Их шум — это сопереживание вместе с персонажами, соучастие. Однажды на нашем спектакле "Незнайка-путешественник" был показательный случай. В тот момент, когда от Незнайки отворачиваются со словами: "Ты у нас больше не главный!", раздался громкий, горестный плач ребенка. Он искренне сочувствовал Незнайке и сердился на приехавшего и все испортившего Знайка — ну разве можно отнестись к этому как к шуму? Дети так вникают в действие, так открываются ему, что мы, играя для них, получаем удовольствие. Энергия после детских спектаклей не пропадает, а удается.

При постановке "Незнайки" режиссер Алексей Блохин добивался от нас мгновенного, как у детей, переключения внимания с одного предмета на другой. Художник создал на сцене мир, в котором мы кажемся детям маленькими человечками. Это счастливое сочетание дает детям радость, а нам — ощущение кайфа от игры в спектакле.

— Что, по-вашему, сейчас нужно поставить для детей и что для подростков?

— Для детей — что-нибудь о чуде, небывотом, настоящем чуде. А для подростков — Достоевского.

Наталья Борисова
Учитель-словесник

Десятилетиями выверенный союз нерушимый: мы вам — спецпертуратор, вы нам — массового зрителя — всех устраивал. Теперь и времена другие, и "школьнички" не те. Пока детки маленькие, им в театре интересно, а потом естествен-

ную потребность в зрелище вытесняют ТВ, кино, видео, рок-поп, тусовки. Среднестатистический подросток "принципиально" не пойдет в театр с мамой-папой, в костюмчике-пригалстучке. А с одноклассниками, хоть и с учителькой (одна на 20-30 человек) — почему бы и не пойти?

Созданные на основе облегченного пересказа хрестоматийных произведений унылые спектакли и воспринимаются плохо, и к чтению не побуждают. Разве культпоход в театр может заменить урок (даже 2-3) литературы? Разве простор спектакля, даже если он создан по мотивам программного произведения, может заменить чтение? Спектакль — не подспорье для уроков литературы или истории; театр — самоценен. Он — за стенами школы, за тридевять земель от них. Там другая реальность. Там — прямо на глазах — творится живое действо. Там — прямо на глазах — человек играет роль, изображает другого человека. Или зверя, или вещь... Если что и может зацепить подростка, то только чудо перевоплощения. А еще — удивительное потребности в красоте.

Вспоминаю себя, свое послевоенное детство. Первое впечатление от театра — там красиво! Это дворец с мраморной лестницей, бархатными ложами, скользким паркетом. Там в руках у чинных капельдинеров таинственно шуршат программы, а в буфете — многоцветные стаканов с фруктовой водой и запаха ванили. На сцене — роскошные декорации, замысловатые добротные костюмы, занятая бутафория. Прошли годы, я стала учителем (а еще и мамой), стала водить ребят (и свою дочку) в театры. Воспоминаний об этих "культпоходах" много, и самых разных, а вот общее впечатление одно: красоты в театре все меньше, обыденности все больше. Когда, в какие годы начали пренебрегать этой потребностью ребенка в красоте? Когда начали экономить на оформлении детских и юношеских спектаклей?

Так что же делать? Оставить все как есть? Продолжать водить подростков в театр, терпеть их выходы, создавая, что в этом возрасте они не могут вести себя иначе? Или думать о других формах взаимоотношений школы и театра? Это тема отдельной большой дискуссии. Но если коротко, главное, не водить

— брать с собой! Научить воспринимать происходящее на сцене может только тот, кто сам в состоянии "уйти" в спектакль. Это может быть учитель, родители, друг... Важно то, что он — рядом.

Юлия Зверева, школьница

— Ты любишь ходить в театр?

— Да.

— Почему?

— Там очень красиво. Мне нравится, что передо мной на сцене — совсем другая жизнь, а актеры так здорово умеют показывать других людей!

— С кем ты предпочитаешь ходить в театр: с классом, с родителями, со знакомыми?

— С классом ходить я не люблю. С ними спектакль не посмотришь, они то дергают, то спрашивают про что-нибудь. А я люблю так смотреть, как будто я вместе с героями. Стали реже водить, предпочитает музей. Я хожу в театр с мамой, с тетей и сестрой.

— Что лучше, по-вашему, предпочтительно прочесть произведение, а потом увидеть его на сцене или наоборот?

— Я об этом не думала. Просто смотрю спектакль. Если он мне нравится, могу потом и книжку прочесть. Вот, например, понравился мне спектакль про Робинзона Крузо в Театре Луны. Меня очень заинтересовал Пятница. Я роман достала и давай про него вычитывать!

— Бывало ли так, что ты уходила из театра, не досмотрев спектакля?

— Нет, никогда. Я себе этого не позволяла. Это же неудобно!

— Какой спектакль из твоего детства ты помнишь до сих пор?

— Очень хорошо помню, что это был спектакль про разбойника, который свистит.

— Ты имеешь в виду "Соловья-разбойника"?

— Точно. Он мне так понравился, я про него столько говорила, что в конце концов родители купили мне про него книжку.

— На каком спектакле ты была в последний раз?

— Мы с мамой ходили в Большой театр на оперу "Царская невеста".

— Понравилось?

— Очень! Это же про нашу историю, про старинные обычаи. Музыка, пение, красивые костюмы — все так здорово!

— А сейчас что бы тебе хотелось увидеть в театре?

— Хотелось увидеть что-нибудь из Шекспира.

— ?

— Я занимаюсь английским языком, недавно читала по-английски о жизни Шекспира, о его театре "Глобус". Я даже достала каскеты с фильмами "Гамлет" и "Двенадцатая ночь", посмотрела их, а теперь хочу увидеть и другие его пьесы в театре.